

Коммунизм Таджикистана
г. Душанбе

16 АВГ 1988

НАШИ ИНТЕРВЬЮ АКТРИСА, ИГРАЮЩАЯ В СЕРСО

— Вот как все странно и складно происходит. До поступления в театральное училище им. М. Шелкина при Малом театре Союза ССР я мечтала стать только учительницей. И даже работала, закончив среднюю школу, полтора года педагогом-воспитателем в так называемой лесной школе подмосковного Павловского Посада. В то счастливое время и я понимала детей (да и кем я сама тогда была — большим ребенком), и дети понимали меня. Но скоро стало очевидным: мое, говоря по-теперешнему, неформальное отношение к процессу учебы и воспитанию не вписывается в жесткий круг инструкций, распоряжений, рекомендаций, приводящих к заторможенности, застенчивости школы. И вот уже 23 года я актриса. Наверное, никогда я не расставалась с надеждой сыграть учительницу, раз она из меня не получилась на самом деле. И лишь теперь мне это удалось.

Относительно моей роли выделяю три момента. Прежде всего, я впервые в Средней Азии и, несмотря на непривычную для меня жару, считаю мои дни здесь ну просто подарком судьбы — так интересно, неожиданно наблюдать здешнюю природу и, конечно, здешних жителей. Затем, очень располагает обстановка на съемочной площадке, одновременно дружеская и деловая, когда ни на что постороннее и неприятное не отвлекаешься. Подобралась отличная актерская «компания»: А. Мухамеджанов, Х. Абдураззаков, М. Махмадов, ташкентец Ш. Иргашев, киевлянка И. Мельник. И последнее: моя героиня, которую зовут Вера Семеновна, я бы сказала, антиучительница. В ней наличие качества, противоположные воспитателю молодежи. Но от этого работать над ролью не менее любопытно.

— Подобное «везение наполовину», можно судить, характерно для ряда ваших киноролей. То есть среди них почти нет главных...

— Актер, к сожалению, существо зависимое — от драматургии, режиссуры. Зачастую актерский потенциал до конца на сцене и на экране не выявляется — используются внешние, типажные особенности артиста. И все равно у меня есть что вспомнить. Например, Димчуху из удивительного фильма Л. Шепитько «Восхождение». Невозможно выразить, как много эта роль потребовала от меня... Мне не стыдно за самую первую свою кинороль — Полины Гончаренко («Секретарь парткома»). Кого еще назвать? Ксению Рябцеву, жестоко поступившую по отношению к собственному ребенку («Хозяйка детского дома»), мачеху главного героя («Ломоносов»), у которой с ним сложились непростые отношения. Недавно по телевидению показали фильм «Очная ставка», где я сыграла капитана милиции Митину. Вскоре на экраны выходит фильм «Мой боевой расчет», там у меня роль матери ведущего персонажа.

— В какой содержательной, эмоциональной плоскости лежат точки соприкосновения вашего опыта и особенностей роли?

— Актерская профессия тем и хороша, что дает возможность на время превра-

Большие расстояния сокращаются, смещаются не только, когда поет далекий друг. Иллюзия счастливого, гармоничного смещения пространства, да и времени, возникает тогда, когда беседуешь, например, с настоящим артистом. Разумеется, если у него не проскальзывают нарочитое актерство и самолюбование (каботинство, как говаривал К. С. Станиславский), а рядом с ним возникает атмосфера какого-то камерно-исповедального артистизма. Это ощущение долго не проходит после разговора с актрисой Людмилой Поляковой. И оно тем более ценно, что, хотя она говорила о разном, оказалось — говорила, в общем-то, об одном. О чем именно — скажу позже, а начала она с непосредственного повода своего приезда в Душанбе. Л. Полякова снимается на «Таджикфильме» у режиссера Сайдо Курбанова в кинокартине под условным названием «Ничейный перекресток».

таться в человека, который мыслит и действует совсем иначе, чем я сама. Очень заманчиво появляться в ситуации, которой в моей жизни не было и не будет, и смотреть, что же в результате вышло. Каждая роль — это нечто вроде опыта на самой себе, узнавание, как я себя повела бы в неожиданных, драматических и других особых обстоятельствах. Роль — это шаг в сторону от обыденного состояния, это приключения на неизведанном до сих пор человеческом «материке» и путешествие в глубь собственных эмоций.

Роль — это своего рода и этический урок. Мы понимаем, как надо и как не надо жить, на примере других людей двумя путями. Первый путь — оттолкнуться, решительно отмежеваться от кого-то другого — фу, какой он плохой. У меня с ним нет ничего общего. И второй — путь понимания и сострадания: почему же тот, другой, такой несчастливый, почему он совершает те или иные ошибки, что привело его к ним и что позволит его отвести от них подальше? Второй путь и есть моя дорога по

лабиринтам профессии, по гигантам жизни.

— Подойдем теперь вплотную к театру. Вы играете в более чем знаменитом на сегодняшний день спектакле «Серсо» по пьесе В. Славкина в постановке А. Васильева. В чем феномен этого спектакля?

— Да, «Серсо» с восторгом принимали театралы ряда городов нашей страны, а также Югославии, ФРГ, Голландии, Дании. На очереди — показы в Западном Берлине, Скандинавии, Франции. А с Васильевым судьба свела меня 11 лет назад в Московском театре им. К. С. Станиславского; «Серсо» мы выпустили в театре на Таганке, а теперь играем спектакль как участники возглавляемой А. Васильевым «Школы драматического искусства». Так вот, А. Васильев — не режиссер в наиболее распространенном значении, он не разводчик мизансцен, он не холодный наблюдатель за происходящим на сцене. Он пытается «ломать» не актера, а его безошибочно-внешнюю мастеровитость и внутреннее равнодушие. А. Васильев с редкост-

ной самоотверженностью стремится объемно, опосредованно передать свое понимание времени, размышления о нем, выразить его важнейшие приметы в особом, подчас трудноуловимом рисунке спектакля. Тут можно вспомнить и первый вариант, «Вассы Железновой» М. Горького, где у меня была роль Наташи, невестки главной героини, и «Взрослую дочь молодого человека» того же В. Славкина.

О чем же «Серсо»? О том, как на крошечном кусочке земли в симпатичной компании приятно поиграть в серсо, в игру без победителей и побежденных. Сначала ты держишь шпажку, на которую твой партнер накидывает кольца, а затем вы меняетесь этими предметами. То есть наш спектакль не о выгоде, не о меркантильном результате, к какому надо стремиться сломя голову, а просто о радости человеческого общения. В годы застоя, да и сейчас, спектакль возвращал и возвращает зрителей к полноценности восприятия жизни, к тому, без чего она лишается обаяния, чистоты, света. Конечно, «Серсо» — очень драматичный спектакль, ведь жизнь, увы, отнюдь не игра в серсо между дружески настроенными людьми...

— В том же театре на Таганке выступал В. Высоцкий. Не напоминает ли сейчас словесные в его адрес со стороны некоторых прежних сценических партнеров строчки из песни группы «Диалог», посвященной ему: «Жизнь кончилась — началась распродажа»?

— С «Диалогом» трудно не согласиться. Действительно, очень уж разнятся по отношению, которое В. Высоцкий порой встречал в родном театре, и нынешние панегирики, касающиеся его. Теперь все записались в его друзья, все публично клянутся в неизменной верности. На самом же деле было иначе... Мы, пришедшие на Таганку с «Серсо», держались в театре несколько особняком, и тем не менее скажу, что Володя остался для нас таким человеком и актером, которому сполна и по-своему удалось выразить себя и свое время, ни в чем не покривив душой. Память о В. Высоком — как свет звезды, согревающий нас неистребимой надеждой на то, чтобы в мире не убывали честность, жажда подлинного творчества.

О разном мы беседовали с Людмилой Поляковой, перемещаясь во времени и пространстве ее ролей. А оказалось — об одном: о нелегко дающейся радости общения, приобщения. Общения с реальными людьми и вымышленными актерскими образами; приобщения к истинным и простым человеческим ценностям. Наконец, трехчасовой диалог с Л. Поляковой (практически же — ее монолог, лишь частично перенесенный на газетную полосу) останется примером некоего синтетического жанра, раскрывающего неповторимую, щедрую актерскую индивидуальность на сцене, экране и за их пределами.

К. КЛЮТКИН.

НА СНИМКЕ: Л. Полякова в роли Веры Семеновны.

Фото О. ДАВИДОВА.